

Где же боги твои, которых ты сделал себе? — Пусть они встанут, если могут спасти тебя во время бедствия твоего.

Книга пророка Иеремии, 2:28

Святой равноапостольный князь Владимир вывел Русь из тьмы языческой к свету Веры Христовой. Преподобный Илья Печерский (в миру, до пострига — Чоботок) так поведал об этом в златоглагольном слове своем.

Допреж внука своего Влада крестилась его бабка, правительница не одной земли Киевской, а всяя Руси, княгиня Ольга. Матушку княгиню гречаны не зря «Софией племени русичей» величали.

Говорят, к Вере Христовой княгиня Ольга приобщилась в Царьграде златохрамом. Но может, она крестилась еще ранее, в красовитом Киевграде своим.

«София» значит «мудрейшая», так византы говорят. Что ж, правильно говорят. Такой Ольга и была. Свет Веры Христовой первой все ж воссиял для нее еще до Царьграда и Киева. На острове святого Эферия то было.

Днепр синеводный вливается в море четырехъя звонко-струйными жерлами своими. Греки называли сине море Понтом Эвксинским, а Днепр — Борисфеном. По-русски сие означает «море незлобное». А Борисфен — «крепким ветром омывтый».

Одесную от крайнего жерла Днепра лежит остров святого Эферия. Остров был отбит Русью у греков еще при Аскольде и Дире. Позже островом завладел князь Игорь, супруг княгини Ольги.

На острове испокон веков было капище греческой богини зла Гекаты. Капище находилось в роще среди высоченных деревьев. Жрецы дьяволицы их откуда-то привезли и посадили на острове.

Русичи называли Гекату царицей ведьм.

На острове сем еще во времена Бусовы проходили торжища меж греками и антами. Русичи, говорят, в незапамятный век от антов пошли. Анты, приезжая на остров в однодеревках своих, привозили для обмена пшеницу, рожь, рыбу, сушеную и копченую, грибы сушеные, меха, шкуры звериные, сало, меды, воск. Все это выменивалось бусовцами, а вслед за ними русичами на топоры, ножи, шеломы, оружие, ткани, вина, посуду, амфоры.

Остров пребывал в языке-стве, пока на торжище не стал приезжать Эферий, епископ града Корсунь в Таврии. Он еще застал в живых святителя Николая, чудотворца града Миры в Ликии. На этом острове владыка Эферий и преставился. Эферий и при жизни, и после смерти прославился как заклинатель царицы ведьм.

Он разорил капище Гекаты и воздвиг на его месте храм христианский, нареченный в честь угодника Николы Мирликийского. В бывшей роще Гекаты возник скит. Здесь жили монахи Свято-Николаевского монастыря, благоустроенного Эферием близ града Корсунь в Таврии.

Там, в скитской церкви, и была усыпальница заклинателя ведьм.

Еще при Аскольде и Дире торжища в роще Гекаты малопомалу стали сходить на нет. Игорь и Ольга, возжелав возродить торжища, с византами договор затеjali.

Остров оставался под омофором Игоря и Ольги, но русичам возбранялось зимовать на нем. Игорь и Ольга обязались не чинить препон скиту эферьеву, так что византы могли считать себя наполовину хозяевами острова.

Однако при Святославе Игоревиче торжища на острове снова разладились, до матушки княгини дурные вести дошли, будто ушкуйники разграбили и пожгли гостехние амбары с товарами и прочим добром. Скит разбойники, правда, пощадил, то ли из страха, то ли потому, что поживиться там нечем. Церковка с усыпаль-

Глава из готовящейся к печати повести о Крещении Руси.

ницей святого Эферия не бе-локаменная, а деревянная, скитники не голодуют, но и припеваючи не живут.

Старейшины корсунские прислали Ольге грамотку с жалобой на разбой и просьбой закрыть эферийские торжища, перенеся их на Корсунь. Матушка княгиня по-гречески разумела. Подумав над грамоткой, Ольга порешила сама побывать на острове и выяснить, что к чему. Снарядила матушка княгиня стало однодеревок, посадила на них дружинников берега своего и сама вместе с воинами на эферийский остров направилась. Ветер крепчал и крепчал, пока в бурю не разоросся. Однодеревки то взметало на маковцы вод текучих, то вниз скилывало. Однодеревки то и дело переваливались с волны на волну, чтоб из одной пропасти да в другую угодить. Лодейные паруса срывало с мачт, как листвие с древ тонкостольных.

Две однодеревки были опрокинуты, и вои, что были в них, утонули. С десятков других однодеревок добра-лось до берега. Суденышки бурей потрепало весьма. Однодеревку с матушкой княгиней перевернуло. Сме-лая княгиня, смолоду ко все-му приобвыкшая в походах ратных, сама до берега доплы, пособляла воям своего берега однодеревки сохра-нить.

Дружинники и при буйном ветре принялись хворост сби-рать, чтоб костры разведя, обогреться и обсушиться. Тогда-то и появилась царица ведьм. Она стояла, высокая и властная, посреди камень-ев больших, трубя в рако-вину, как в рог боевой.

Жива еще дьяволица Геката, жмив! Епископ Эферий не умертвил ее, а лишь загнал на потайное ложе на дне морском. Подняв бурю, выбра-лась она на берег. Трубные гласы разрослись в рас-каты грома, и молнии ре-ляли вокруг нее, будто соко-лы из огня. Богиня зла была безо всяго, голой, кроме жем-чужного ожерелья на шее и златых браслетов на высоких ногах. Змеющие власы ца-рицы ведьм сбегались, из-виваясь, на дивно белые пле-чи ее и перси ее наливные.

Страхи, как стрелы лету-чие, врезались в сердца дру-жинников берега. В битвах, в походах воинских, в охотах княжжих закален был берег, а тут не выдержал. Где уж там человеку сладить с по-велительницей бури!

Дружинники бросились от горящих костров врас-сыпную. Вдруг навстречу бежавшим воям устремилась четверка скитников в скуфь-ях, с дубинами в руках и на-персными крестами на рясах.

— Назад, дурье! — кричал плечистый рыжебородый мо-нах, бежавший впереди. — Кто вы, вои иль бабье не-смышленное? Это ж не сама дьяволица, а лишь истукан ее. Сие не живая Геката, а мраморная! Это ж буря ее на берег выкинула и на ноги посередь камней поставила! И раковина у нее тож мраморная! Вот, глядите! — И с этими словами скитник, Филипп его звали, обрушил на главу царицы ведьм удар окованной железом дубины. Мраморная голова Гекаты треснула. Большие, истемна глубокие глаза царицы ведьм еще хранили силу великую. Царица ведьм и с пролом-ленным черепом может еще насквозь прожечь человека одним взором своим. Отец Филипп (он — единственный крещеный русич в скиту, ос-тальные скитники — греки с Корсуни и с Каркантииды) со другими монахи повалили статую наземь и зачали топ-тать ее сапогами своими и крушить тяжкими ударами окованных железом дуби-нок.

— Получай! — орал скит-ник Филипп, — за все полу-чай сполна! За юмы гостец-кие, за однодеревки, загуб-ленные тобой! За избы, что ты спалила! За деревья со-крушенные! Очухавшиеся дружинники плотной толпой обступили скитников, казнящих царицу ведьм. Скитники не выпус-кали из рук дубинок, пока от Гекаты не осталось ни-чего, кроме мелких облом-ков и мраморного крошева.

Вячеслав Завалишин

КАЗНЬ ЦАРИЦЫ ВЕДЬМ

— Вот так! — продолжал скитник Филипп, перейдя с истощного крика на проповедь. — Мы — люд креще-ный, со всеми истуканами вот так поступаем. Всех пе-ребьем, ни одного не оста-вим, будь то идол аль идоли-ца. Разве что Деметру поща-дим: она нам зла не чинила...

А теперь с молитвой и наго-вором разведем по ветру все, что от этой треклятой твари осталось.

И скитник Филипп принял-ся швырять в воду мелкие обломки беломраморной Гекаты, всякий раз приго-варивая:

— Изыди от нас, дьяволи-ца!

До крещения Филипп был кормчим гостецкого юма русичей. Юм ходил к визан-там. В Царьграде Филипп крестился, не то что скрит-но, а скорее полутайком. Язычники на корабле, как и на русском берегу, высмеи-вали христиан, а кормчий Мстислав (так звали Филип-па до крещения) насмешек не любил.

Юм, где Филипп был корм-чим, попал в тяжкую бурю. Было это на пути из греков на Русь. Дабы умиловить царицу ведьм, корабельщики порешили принести в жертву кого-либо из своих. Жребия не тянули: выбор пал на Филиппа. Кто-то уже раз-звонил: «Кормчий — чужой нам веры, и за сие царица ведьм предает нас скорбному суду».

Филиппа выбросили за борт, но так вышло, что юм со всеми людьми погиб, а Филипп уцелел, спасся. Он уцелился за обломок упавшей в волны мачты, и его, еле живого, прибило к острову святого Эферия. Скитники-гречаны приголубили спас-шегося христианина, как своего. Филипп выехал в Кор-сунь, дабы принять постриг в основанном Эферием Свя-то-Николаевском монастыре. Как мних Филипп и вернулся на остров, став эферийским скитником. Он люто мстил царице ведьм, сокрушая уда-рами окованной железом дубины беломраморную плоть дьяволицы.

— А вы чего стоите, будто к земле сырой приросли? — накинулс мних Филипп на дружинников берега, обсту-пивших четверых скитников, которые разбили царицу ведьм на куски. — Вы что, все нехристи, что ли? — продолжал кричать скитник Филипп. — А ну, кто из вас крещеный, выходи!

Вышел только один, стре-мянный Добрыни, кормиль-ца Влада, внука Ольги. Ма-тушка княгиня взяла его в свой обегер с ведома самого Добрыни.

— Ну, я крестился в веру эллинскую.

— Где тебя крестили?

— В храме пророка Илии в Киевграде.

— Кто крестным был?

— Протопоп Павел. С до-зволения вдовой матери моей.

— А как батьку родного звали?

— Твердиславом. Его в бою печенези убили.

— Как нарекли тебя при крещении?

— Рабом Божиим Алексе-ем. А в обегере нашем меня знают как Рата, Ратибора.

— Так ты, стало быть, не Ратибор Твердиславич, а Алеша Попович, по имени крестившего тя.

С тех пор имя это и врос-ло в деяния и жизнь быв-шего стремянного Добры-ни, кормильца княжича Влада, которому суждено было стать Владимиром Равноапостольным, крестителем Киевграда и всяя Руси.

— Как ты на остров при-был? — допытывался рыже-бралый скитник Филипп у младого воя, названного им Алешей Поповичем.

— Как и все. Мы матушку княгиню охраняем.

— А где же сама княгиня? Веди нас к ней.

Алеша Попович и с ним четверо скитников обошли все костры прибрежные и ни-мем, будь то идол аль идоли-ца. Разве что Деметру поща-дим: она нам зла не чинила...

А теперь с молитвой и наго-вором разведем по ветру все, что от этой треклятой твари осталось.

Дело к вечеру шло. Обегер и скитники восполшились, зажгли факелы смоляные да лампы ромейские. Дружин-ники берега вместе со скит-никами чуть ли не весь остров обрыскали, а правящей Киев-градом и всяя Русью княгини нет да нет. Не знали, что и подумать. Уж не царица ли ведьм расплатилась за недав-ний позор свой похищением матушки княгини? По сча-стью, нашлись дружинники, видевшие княгиню идущей к самому дальнему костру, у которого двое людишек суе-тились.

Подбежали к этому костру и обрели его погашенным, свежезатоптанным. Скитники и дружинники берега побежали в рошу. Огни смоляных факелов и ламп ромейских обжигали светом своим одно высочен-ное древо за другим.

Под конец, отчаявшисья обрести княгиню живой, по-дошли к церковке с усыпаль-ницей святого Эферия. Дверь храма была отперта. Скит-ники вошли в церковь и уз-рели княгиню Ольгу павшей на колени пред написанными на стенах храма образами Николая, чудотворца Мир-ликийского, и святого Эфе-рия, епископа града Корсунь в Таврии.

Лик матушки княгини весь светился, глядела она помо-лодевшей и расцветшей. По-няли все, что нежданно на-хлынувшую радость пере-живает она. — Я, люди, чудо узрела, — рекла матушка княгиня, обращаясь к скитникам и дружинникам берега своего, и она поведала о том, что произошло.

Она пошла к самому ос-татнему костру, к самому дальнему изо всех. У ко-стра грелись двое старцев снежнотородых. Они узнали Ольгу и пали пред ней на ко-лени, наказав беречь княжат, особливо молодшего, Влада. Для Руси он содеет то, что Юстиниан эллинский содеял для народа своего. Оба стар-ца были гречинами, но по-русски разумели. Старцы предложили княгине обог-реться и обсушиться. Бесе-довала она со старцами, за-приметив кресты наперсные на рясах их, о вере в распя-того Бога эллинов. И так оба старца прославляли веру свою, что возжелала княгиня Ольга храм святого Эферия посетить. Княгиня Ольга спросила у старцев, как легче пройти к роще, где стоит церковь с усыпальницей свя-того Эферия. Сведомо было матушке княгине, что храм находится на разоренном месте, на месте капища Ге-каты. О совсем недавней каз-ни царицы ведьм матушка еще не знала и сокрушения беломраморной дьяволицы не видела.

Старцы указали княгине, как ей самой добраться до скита эферийского, и попро-сили правительницу Киевгра-да и всяя Руси передохнуть малость на скамье пред хра-мом прежде, чем войти в него.

Княгиня Ольга направ-илась в рошу, оглядываясь на костер с двумя старцами. В небе прояснилось, и почу-дилось княгине, что в просня-це сумерек, светом месяца позлащенных, на костер со старцами опустились ступени великого храма с небес, и по ступеням сим оба старца ввысь подымались.

Рваные облака рас-ступились, выпустив на волю лунный и звездный свет. Искры света обле-пили высокие деревья роши эферьевой роями пчел златокрылатых. Ма-тушка княгиня отыскала храм и скамью пред храмом, а на скамье нежданно узрела ключ серебряный, кринку топленого молока и добрый кус хлебushка с бортным ме-дом. Яства сии были на узор-чатом плате разложены. И на том же плате была свер-нутая в трубку берестянка с греческой надписью, а в той берестянке написано бы-ло: «Это для тебя, кесарина и грядущая во Христе сестра наша. Утоли голод и ключом ототри дверь храма».

Поснедав, вошла это кня-гиня Ольга во храм и обом-лела вся. На стене храма были написаны два старца, совсем недавно беседовавшие с ней возле костра. То были Никола чудотворец и святой Эферий.

Княгиня Ольга видела обо-их угодников как живых и беседовала с ними как с жи-выми. Это они предсказа-ли, что правительница Киев-града и всяя Руси Веру Хри-стову примет.

Где крестилась Ольга, в Царьграде ли или допреж этого в Киевграде своем, нам точно неведомо, главное, что крестилась куда ранее внука своего Влада, ставшего Владимиром Равноапостоль-ным.

Впервые же в житии ма-тушки княгини стал для нее родным и близким крест над куполом православного хра-ма на острове святого Эфе-рия.

Княгиня Ольга поведала о сем дружинникам своего бе-рега, такжеде четырем скит-никам. Все тогда собрались

на небольшой площади пред храмом.

— Мы — люди смертны и обречены на согнятие в земле, сырой иль сухой, — говорила Ольга люду своему.

По учению распятого Бога эллинов, смертна лишь брен-ная плоть наша, а душа че-ловечья бессмертна, и ее ждуг или новые мучения и скорби, иль блаженный по-кой. Только избранным Бо-гом даруется право совер-шать переход из царства веч-но живых на небе в царство смертных на земле, из бла-женного покоя — в наш суе-тливый неблагоустроенный мир. Я только что встрети-лась с двумя сошедшими с неба праведниками велики-ми, и они беседовали со мной как живые с живой.

Внидите в храм сей, и вы узрите, что они на стене храма написаны.

Это угодник Николай и святой Эферий, архиепископ града Корсунь, живший во времена Бусовы. И знаете, о чем мне поведали оба свя-тых?... О том, что и Киев-град, и вся земля русская скоро переймут у Византов Веру Христову. Это неминус-мо. Над Русью воссияют кресты над куполами храмов христианских, деревянных и каменных. — А может, матушка кня-гиня, тебе померещилось все это? — сказал один дру-жинник берега Ольгиного, кажись, самый старый из вонтелей, служивших прави-тельнице Киевграда и всяя Руси.

— То, что мне померещи-лось, — сказала Ольга, — скоро явью всяя Руси станет. Павел, верховный жрецирас-пятого Бога эллинов, гово-рил, что Вера есть обличе-ние вешей незримых. А нез-римое,ставшее видимым, мо-

жет глаголить одну лишь истину.

После беседы с люди своя княгиня Ольга направилась на опочив в шатер, разби-тый для нее дружинниками.

На следующий день чуть свет княгиня вызвала Алешу Поповича и сказала ему:

— Сегодня ж пополудни я возьму пять однодеревок и двинусь в обратный путь, в свой град Киев. Ты оста-ешься здесь за поводима, по-ка я замени не пришло. Ступай на берег и отбери для меня и людишек моих пять однодеревок покрепче, чьи мачты бурей недавней не по-коржены и чьи паруса не порваны.

Алеша Попович пошел сполнять княгинин наказ, но Ольга задержала его:

— Погодь!.. Допреж при-веди ко мне скитников...

Ольга встретила скитни-ков византов приветливо. Но Филиппа отчитала малость, незлобно, правда, но отчи-тала. И сказала Ольга мниху Филиппу:

— Ну, хоробрит, лихо ты мрамор бездушный дубиной крушишь. А где ж была доб-лесть твоя, егда ушкуйники амбары Византов пожгли и на дым пустили? Куда ж твоя дубина сподевалась?

Мних Филипп из крещеных русичей отвечствовал Ольге, не робев:

— А я, матушка княгиня, дубину тогда на покое оста-вил. Я улещал лихих людей не разбойничать, да разве они послушаются? Куда там!

— С перепугу, что ль?

— Нет, княгиня, не с пе-репугу, а из почтения. Ведь ушкуйники-то со Святосла-вом Игоревичем, сыном тво-им, хлеб-соль водили, вино из одного кубка пили... Я б с ними сразился, мне жи-вота своего не жаль. А про-гневить Святослава Игоре-вича, скажу прямо, боялся.

Ольга потемнела ликом, такой ответ услыхав. Знала, что не брешет мних. Услы-шав, что Святослав в поход на византов собирается, и недобрый 'люд главы свои подъял, находчивая княгиня сразу по-иному заговорила:

— Чем ты краше володе-ние вешей незримых. А нез-римое,ставшее видимым, мо-

— Плотничье рукомесло, матушка княгиня, сану моему более пристало.

— Ну и хорошо, что бо-лее пристало... Нам надоб-но для нее дружинниками. На следующий день чуть свет княгиня вызвала Алешу Поповича и сказала ему:

— Сегодня ж пополудни я возьму пять однодеревок и двинусь в обратный путь, в свой град Киев. Ты оста-ешься здесь за поводима, по-ка я замени не пришло. Ступай на берег и отбери для меня и людишек моих пять однодеревок покрепче, чьи мачты бурей недавней не по-коржены и чьи паруса не порваны.

Алеша тебе из берега пособо-ников подберет, пока я из Киевграда артель плотников новгородских не вышло.

Мних Филипп едва покло-нился княгине, как прави-тельница Киевграда и всяя Руси с тремя скитниками разговор завела по-гречески.

Она сказала, что пособит скиту съестными припасами и деньгой. А ежели княгиня Ольга что-либо кому-либо посулит, то исполнит: слово ее из серебра иль из злата отлито.

В обратный путь матушку княгиню провожали и скит-ники, и оставленные ею на острове дружинники берега ее. И греки, и русичи еще долго глядели вслед удаляю-щимся парусам...

В небе пречисто. Ветер све-жий, некрепкий. Паруса одно-деревок золотились на сол-нце, будто крылья ангелов греческих церквей...

Воротась в Киевград, мать княгиня призвала писца с чистым пергаментом для от-вета старейшинам Корсу-нским. А в ответе сказано бы-ло:

«Вы вольны устраивать торжища где хотите и когда хотите. Токмо у себя, на земле своей. На перенос же эферийского торжища в град Корсунь моего дозволения нет. Всех гостей, с метропо-лии ли, с диаспоры ли, кто на эферийские торжища при-бывать будет, на три года освобождаю от налогов и пошлин.

Ольга». Такова у нас матушка кня-гиня. Божие Богови отдаст, но и кесарева не упустит.

Так поведал Преподобный Илья Печерский (в миру Чо-боток), бывший живым сви-детелем Крещения Руси при святом Равноапостольном князе Владимире.